

КОРОЛЕВСТВО ЭРМАНАРИХА
В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

И. В. Зиньковская

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 июля 2010 г.

Аннотация: статья посвящена историографическому анализу феномена остроготского королевства Эрманариха в отечественной науке XIX – начала XX в., который показал, что большинство российских ученых придерживались мнения, что королевство Эрманариха – это вовсе не миф, а реальное государство, существовавшее на Юге Восточной Европы в IV в.

Ключевые слова: готы, славяне, венеды, анты, черняховская культура, государство Эрманариха.

Abstract: the article contains a historiographic analysis of the phenomenon of Ermanaric's Ostrogothic kingdom in Russian science of the XIX – early XX centuries. This analysis showed that most of Russian scholars reckoned that the kingdom of Ermanaric had been not a myth but a real state in the South of Eastern Europe of the IV century AD.

Key words: Goths, Slavs, Veneti, Antes, Chernyakhov culture, kingdom of Ermanaric.

Остроготы и созданное ими причерноморское королевство Эрманариха оставили глубокий след не только в европейской, но и в отечественной историографии. Российские исследователи обратились к изучению этой темы несколько позже, когда западноевропейские историки уже весьма существенно продвинулись в ее разработке. Следует заметить, что с самого начала для русских ученых этот вопрос, в общем-то, был второстепенным, по существу производным от главной темы их научных изысканий – поисков исторических корней славян. Поэтому в XVIII в. при обращении к готским сюжетам дело обычно ограничивалось упоминанием заговора росомонов против Эрманариха или войны антов Божя с остроготским королем Винитарием [1].

Несколько больше внимания готской проблематике уделяли выдающиеся российские историки XIX в. По мнению Н.М. Карамзина, готы продвинулись к Черному морю в III в. В IV в. «при царе Эрманарихе» их «империя» уже включала в себя Европейскую Россию от Черного моря до Балтийского. Н. М. Карамзин утверждал, что этот правитель в числе многих народов победил венедов, которые, обитая в соседстве с эстами и герулами, больше славились своей многочисленностью, чем воинским искусством [2, с. 28–29]. Около 377 г. гунны напали на алан и готов, столетний король Эрманарих не дерзнул вступить с ними в сражение, но добровольной смертью поспешил избавиться от

рабства. Но наследник Эрманариха, Винитар, был уже данником гуннов, однако сумел завоевать страну антов и жестоким образом умертвил их князя с семьюдесятью знатнейшими «боярами». Гуннский царь Баламбер вступился за последних и, победив Винитара, освободил антов от готского ига [2, с. 30]. Как видим, Н. М. Карамзин без какой-либо критики прямо следовал за источником – Иорданом, фактически ограничившись его пересказом.

Автор популярной в конце XIX в. «Русской истории» К. Н. Бестужев-Рюмин уделил определенное внимание остроготской «державе». Он утверждал, что царство готов стало первой попыткой европейского народа основать государство в нынешней России, воспоминание о котором сохранилось в средневековых сагах [3, с. 4].

По мнению С. М. Соловьёва, во II – начале III в. началось движение скандинаво-германских дружин под именем готов от берегов Балтийского моря к Черному, которое совершалось по тому же водному пути, по которому в IX в. спускались варяжские дружины [4, с. 44]. Опираясь на рассказ Иордана, российский историк писал, что готская дружина явилась на берег Балтийского моря только на трех кораблях, но потом, вобрав в себя представителей из разных племен, образовалась на берегах Понта в многочисленный народ, который не давал покоя Империи. В IV в. готский вождь Германарих основал государство в таких же обширных размерах, как и владения Рюриковичей (здесь у С. М. Соловьёва ощущается влияние «норман-

ской» парадигмы образования государства). Владея тринадцатью племенами, среди которых были чудь, весь, мерь и мордва, Германарих выступил против герулов и венедов. Но к этому времени в юго-восточных степях собиралась гроза – гунны, разрушившие громадное государство готов при самом его рождении [4, с. 44]. Новорожденное государство, не успев сплотиться и окрепнуть, не смогло вынести натиска гуннов и распалось. Историк традиционно уделил определенное внимание войне Винитария со славянами-антами Божа [4, с. 44].

В том же духе оценивал роль готов и их государства в истории Восточной Европы В. О. Ключевский [5]. Он утверждал, что в III в. отважные мореходы-готы по рекам нашей равнины проникали в Черное море и громили Восточную империю. В IV в. их вождь Германарих путем завоеваний образовал из обитателей нашей страны обширное царство. В. О. Ключевский также акцентировал внимание на том, что это было первое исторически известное государство, основанное европейским народом в пределах России. В его состав входили различные племена Восточной Европы – эсты, меря, мордва – будущие соседи восточных славян. Германарихом были покорены и венеты, как называли славян римские писатели с начала н. э. [5, с. 96].

Однако не следует думать, что по готской проблеме среди российских историков XIX в. царило единодушие. Рассказ Иордана о государстве Эрманариха, владевшим чуть ли не большей частью Восточной Европы, естественно, вызвал ряд разногласий. Одни ученые сведения Иордана принимали на веру, другие ставили их под сомнение. Так, Н. И. Надеждин весьма скептически отнесся к рассказу Иордана о готской державе, он даже отрицал саму возможность проникновения власти Эрманариха далеко на северо-восток, в земли чуды, веси и мери [6, с. 64]. Близкие взгляды высказывал известный русский археолог и историк И. Е. Забелин. Он писал, что «Иордан изобразил историю готов такими чертами, что перед готами побледнели все другие народности» [7, с. 315]. И. Е. Забелин полагал, что в первой половине IV в. владычество готов еще не простиралось до Черного моря, но уже в это время они стремились покорить славянские племена венетов, герулов, живших у Меотиды, и даже эстов. Однако он сомневался в существовании описанной Иорданом обширной территории государства Эрманариха и считал, что все иордановы известия о громадных размерах «Эрманарихова царства» основываются или на ошибке, или на обмане [7, с. 383–385]. Основанием для такого заклю-

чения ему послужило сопоставление перечня «северных народов» у Иордана и сведений о северных соседях Киевской Руси у летописца Нестора. «Выходит, что Эрманарик владел Чудью, Корсью, Весью, Мерею, Мордвою, даже Черемисою, а в том числе и Роксоланами..., т.е. таким пространством Европейской России, каким не владела и Славная Русь XI века». Это обстоятельство, видимо, и заставило И. Е. Забелина усомниться в огромных размерах королевства Эрманариха [7, с. 386].

В последней четверти XIX в. интересующая нас тематика вновь привлекает внимание отечественных ученых в связи с так называемой «готской теорией» происхождения Руси [8, с. 54–55; 9, с. 27]. Некоторых русских ученых к этому подтолкнула публикация в 1850 г. Копенгагенским Королевским обществом северных антиквариетов «Саги о Хервёр» [10]. В ней они нашли упоминание о готском городе на Днепре (*Danparstaðir*), на который сразу обратили внимание [3, с. 4; 11, с. 6–8; 12, с. 85–86]. Однако, по оценке современных специалистов, предпринятая в середине XIX в. попытка издания отрывков саг, касающихся Руси, оказалась весьма неудачной, прежде всего из-за того, что сведения, вырванные из общего контекста саг, просто не могли в силу специфики жанра саги быть верно истолкованы [13, с. 126–141]. Это обстоятельство сыграло негативную роль в использовании и интерпретации избранных отрывков российскими историками. Тем не менее широта охвата скандинавского источникового материала привлекала к этому изданию не одно поколение отечественных историков [14, с. 27].

Известный востоковед, академик А. А. Куник в 1869 г. предположил, что во время передвижения готов к берегам Черного моря эпический «Днепровский град» (*Danparstaðir*) стал столицей готских князей, а западные пределы страны готов – *Harvaðafjöll* счел готским названием Карпатских гор [8, с. 55]. Позднее взгляды А. А. Куника о тождестве готского *Danparstaðir* и Киева получили поддержку значительного числа российских специалистов [15, с. 127]. Даже такой блестящий знаток скандинавских материалов, как Ф. А. Браун, писал по этому поводу: «Очень вероятно гипотеза, что упоминаемый в скандинавских сагах «град Днепра, столица славных готов, есть не что иное, как наш Киев» [16, с. 442].

В 1875 г. А. А. Куник указал на возможность связи названия «Русь» с эпическим прозвищем готов *Hreidhgotar* («славные готы»). Он высказывал догадку, что победы готов были вызваны ранним утверждением у них королев-

ской власти [17, с. 63]. В этом направлении идею А. А. Куника еще дальше развил А. С. Будилович в докладе под названием «К вопросу о происхождении слова «Русь» на VIII Археологическом съезде в Москве в 1890 г. [18, с. 118–119; 9, с. 25–29]. По его мнению, теория происхождения «Руси» от слова с германским корнем объясняет значительное число загадочных древнерусских слов. Это наслоение он предложил отнести к готам, так как: 1) ни один германский народ не обитал в России в эпоху, более или менее близкую к возникновению нашего государства; 2) готы жили в нашей стране довольно продолжительное время и не могли не оставить следов своего пребывания в нашем языке, быте и учреждениях.

В подтверждение реальности пребывания гот на Юге России А. С. Будилович сослался на найденный близ Ковеля наконецник копья с готской рунической надписью. Исследователь писал, что при движении на запад ушли не все готы, на Черном море осталась часть их, не желавшая покидать прежние места. Оставшиеся на юге России готы могли оказать влияние на славянский язык. По его мнению, некоторые названия букв в русской азбуке и названия отдельных рек и мест звучат по-готски. А. С. Будилович указал на следы готского влияния в древнеславянской лексике. Таким же готским по происхождению он считал и само слово «Русь», якобы соответствующее гот. *Hrothis, hros* (*hrôthis* в Библии Ульфилы соответствует греческому слову «победоносные», «славные»). Отсюда его умозаключение, что в древней Руси была готская область, называемая Рось-Готландией («Страной готов»), которая приблизительно совпадала с землей полян, где возник Киев и где позднее образовался центр Русского государства. Историк допускал, что эта область одно время принадлежала царю Германариху. А. С. Будилович писал, что, производя слово Русь от готского *Hrothis, hros*, мы получим ключ к разгадке и объяснению всех теорий происхождения этого слова [9, с. 28–29]. По его мнению, позднее готы-русь растворились среди восточного славянства, но они объединили его и дали ему свое имя.

Известный русский византист Ф. И. Успенский считал готов одним из даровитейших германских племен и наиболее сильным выразителем эпохи переселения народов. Он выступил с докладом «Вопрос о готах» на IX Археологическом съезде в Вильно в 1893 г. [19, с. 96–97]. Историк весьма высоко оценил их историческую роль в судьбах Востока и Запада. По его образному сравнению, готы – это норманны

эпохи переселения народов. Из первоначальных мест своего обитания у Балтийского моря они в конце II в. двинулись к югу и произвели здесь перемещение народов Восточной Европы. Передвижение готов с севера на юг продолжалось, по крайней мере, 30 лет: в начале III в. они уже занимали Юго-Восточную Европу от Дуная до Дона. Ф. И. Успенский допускал существование при Эрманарихе довольно обширного государства, но считал, что в то время не могло быть и речи об объединении всех готов и тем более о существовании у них наследственной королевской власти. Он считал, что обширная власть остrogотского короля была придана Иорданом из политических соображений. Даже в конце IV в. у готов были два самостоятельных властителя – Атанарих и Фритигерн и, кроме того, самостоятельное государство Эрманариха. По его мнению, это были начальники отдельных колен, успешные личной храбростью возвысившиеся над другими старшинами [20, с. 152–155].

Обращаясь к трудам Аммиана Марцеллина и Иордана, Ф. И. Успенский показал, что сообщаемые в них данные находят объяснение в дружинном быте готов, а именно в смешанном характере их дружины. На примере росомонов (он считал их славянами) ученый попытался доказать, что и славяне вступали в германские дружины.

По докладу Ф. И. Успенского на IX Археологическом съезде разгорелась бурная дискуссия. Д. И. Иловайский высказался за однородность состава готской дружины и показал, что аристократическое начало у готов было сильнее, чем у других германцев. С ним лишь отчасти согласился В. Г. Василевский, он отметил, что готские дружины были немногочисленны и не могли играть определяющей роли. Что касается *Rosomanorum gens* у Иордана, то, на его взгляд, это было кавказское племя [20, с. 97].

Сторонником готской «теории» считал себя и В. Г. Василевский. Он утверждал: «Мы не хотим здесь проповедать новой теории происхождения Русского государства или, лучше сказать, русского имени, которую пришлось бы назвать готскою (намек на нее давно уже встречаются), но не можем обойтись без замечания, что при современном положении вопроса она была бы во многих отношениях пригоднее нормано-скандинавской» [21, с. ССLXXII]. Заметим, что, исследуя традиционную этническую терминологию позднеантичных авторов, он полагал, что под «скифами» следует понимать готов [22, с. 359–362].

Большинство российских историков весьма критически отнеслись к «готской теории» про-

исхождения Руси. В конце XIX в. ее подверг резкой критике известный историк-скандинавист Ф. А. Браун, сторонник старой «норманнской» теории [23, с. 45–58]. Ему принадлежит первое в отечественной историографии монографическое исследование по готской проблематике [24]. Детально проанализировав фактическое основание «готской теории», в том числе и толкование ключевого слова *hreið*, он пришел к заключению, что «сделанная в последнее время попытка связать с именем готов происхождение Руси не выдерживает критики», так как готское **hropeis* не могло отразиться в славянском «Русь» [24, с. 6–17]. И далее, – «Готской школы, по крайней мере в смысле объяснения начала русского государства, никогда не будет и быть не может» [24, с. 2]. В то же время он резонно заметил, что «готский вопрос» является одним из важнейших в истории дорюрикова периода русской жизни [24, с. 18]. Поэтому значение книги Ф. А. Брауна выходит далеко за рамки критики пресловутой «готской теории» происхождения Руси. В ней впервые профессионально обозначены некоторые аспекты готской проблемы для отечественной исторической науки, хотя большая часть ее объема посвящена вопросам этнической географии Восточной Европы доготского периода («Скифии» Геродота, «Сарматии» Птолемея). К сожалению, задуманная автором вторая часть, в которой он планировал осветить историю готов на побережье Черного моря, так и не была написана.

По мнению Ф. А. Брауна, готы исконно жили в пределах Европейской России (для раннего периода имеется в виду территория Северной Польши от низовий Вислы до Преголя). Из всех германских племен они были ближайшими соседями славян в эпоху, когда последние составляли еще одно этнографическое и культурное целое в верховьях Днепра и Волги. Однако, вопреки мнению А. А. Куника, писавшего о сильной королевской власти у готов, Ф. А. Браун полагал, что «бессистемность и бессвязность набегов доказывают, что политического единства у готов в эту эпоху («скифских войн». – И. З.) не было» [16, с. 442]. Каждая часть готов имела в то время своего правителя, и лишь на время остrogотские короли получили превосходство. Но в IV в. остrogоты основали в припонтийских степях сильное государство, которое подчинило себе большую часть славянских и финских племен между Вислой и Волгой. По мнению Ф. А. Брауна, именно здесь располагалась та самая *Hreiðgotaland*, первоначально обозначавшая страну готов в России в области Верхнего и Среднего Днепра [16, с. 9]. По его оцен-

ке, не лишенной некоторого любования, готы были самым талантливым народом эпохи Великого переселения народов. Он считал, что национальное самосознание было у них развито сильнее, чем у других соседних племен. В то же время к ним быстрее, чем к другим германским племенам, проникло христианство, а высокоразвитая греко-римская культура встретила в них более глубокое сочувствие.

Ф. А. Браун утверждал, что в это время политическая организация в виде сильной королевской власти должна была дать готам значительный перевес над их ближайшими соседями на востоке и юго-востоке – разрозненными, не имевшими культурно-политического центра славяно-балтскими народностями. Он полагал, что готы, вначале просто как соседи, затем как победители славян, имели сильное влияние на славянский мир [24, с. 1–22]. Около 350 г. королевскую власть унаследовал Эрманарих, слава которого воспевалась всеми германскими народами. Ф. А. Браун утверждал, что в реальном могуществе этого правителя сомневаться не приходится, так как о нем свидетельствует не только гот Иордан, но и современный ему римский историк Аммиан Марцелин. По его мнению, Эрманарих был последним представителем готского могущества на Юге России [16, с. 443]. Исследователь обратил внимание на то, что даже в годы его правления готы не достигли полной оседлости и не создали прочного государственного организма. Следует отметить, что для дальнейшего изучения «готского вопроса» Ф. А. Браун прозорливо возлагал надежды не только на лингвистические, но и на археологические исследования, хотя и признавал, что пока еще «рано идти по пути археологии» [24, с. 22].

Еще до Ф. А. Брауна Н. П. Дашкевич усмотрел в рассказе Иордана отголоски древней легенды об Эрманарике. На этом основании он считал, что деяния и завоевания этого готского царя как эпического героя были явно преувеличены; в народной памяти ему постепенно было приписано небывалое могущество. Историк допускал, что обширные земли признавали верховное господство остrogотского короля, но определить территорию его владений по имеющимся источникам он затруднялся. «Было ли среднее Приднепровье в числе обширных пространств, действительно принадлежащих Эрманариму, невозможно решить, хотя Иордан и называет славян в числе народов, покоренных готским царем...» [11, с. 16].

Н. П. Дашкевич, детально изучил работу исландского исследователя Г. Вигфуссона,

проанализировавшего скандинавскую «Песнь о гуннской битве» [25]. Он не согласился с гипотезой последнего об отождествлении эпической столицы Эрманарика, «Днепровского града» с Киевом. По его мнению, она могла располагаться ближе к Понту [11, с. 16]. Однако существование готской столицы на Днепре, на территории будущего Киева, в той или иной степени признавали В. С. Иконников, А. И. Соболевский, А. Л. Погодин, И. Я. Стеллецкий и другие русские ученые.

Вопрос о месте эпической битвы готов с гуннами из той же саги специально рассмотрел И. В. Шаровольский [26, с. 1–37]. По его мнению, такие эпические названия, как *Dun* (Дон), *Dunheidr* (Донской луг или Донская степь), *Danpar* (Днепр), *Danparstaðir* (Днепровский град), *Tyrfing* (тервинг), *Grytingalidi* (гревтунги) и *Harvaðafjöll* (Карпаты), сохраняют несомненную память об области расселения готов к северу от Черного моря до времени вторжения гуннов.

Весьма скептически к готскому владычеству и к попыткам отыскать их следы на Юге России относился популярный в конце XIX в. историк Д. И. Иловайский, известный своим патристическим настроением. Неудовлетворенный построениями отечественных норманистов, он, по собственному признанию, вначале искал исхода в «готской теории», но в конце концов должен был отказаться и от нее [27, с. 266]. Историк утверждал, что в числе народов, подвластных царю Германариху, были рокасы, роксы или росы, в которых он, вероятно, видел одну из форм имени роксаланов (здесь Д. И. Иловайский недалеко ушел от М. В. Ломоносова с его «роксоланской» теорией). Главную причину гибели королевства Эрманариха Д. И. Иловайский видел не в нападении гуннов, а в движении против готов роксолан, которых он отождествлял с аланами [27, с. 263–264].

Известные российские историки древнего искусства И. И. Толстой и Н. П. Кондаков также обратили внимание на явное преувеличение Иорданом могущества Германариха [28, с. 127–128]. По мнению этих исследователей, такому возвышению этого короля противоречит хотя бы то, что даже родственники и соседи остроготов, везиготы, ему не подчинялись. Они весьма скептически отнеслись к толкованию саг, из которого родилась идея, что Германарих жил в «Граде Днепра» – Киеве, так как смещали «центр тяжести готского преобладания в южной России» к устью Дона. На их взгляд, эпическая битва готов с гуннами могла происходить на Дону или даже за Доном, у «гор высоких, яских, и черкасских, близ ворот железных», т.е.

кавказских [28, с. 128]. О гибели Эрманариха они писали следующее: «Царь этот, по Аммиану, сам наложил на себя руки, вслед за победоносным вторжением гуннов, а по Иордану был ранен мстившими ему вождями народца (кавказского?) Росомонов». Следует напомнить, что список северных народов, якобы покоренных Эрманарихом, они датировали временем самого Иордана, т.е. VI в. [28, с. 127–128]. Русский историк-норманист А. Л. Погодин, напротив, считал этот список достоверным и, кроме того, написанным по-готски, так как, на его взгляд, многие этнонимы у Иордана приведены в готской форме [29, с. 21].

Выдающийся российский филолог конца XIX – начала XX в. А. Н. Веселовский также попытался найти отголоски готской старины в скандинавских сагах, в которых упоминались древнегерманские топонимы и этнонимы эпохи владычества готов и гуннов. Он проанализировал упоминавшиеся в «Саге о Хервёре» топонимы: *Danparstaðir* («Днепровский град»), *Archeimr* («Дремучий лес») и др. [30, с. 294–301; 31, с. 9–10]. В результате ученый пришел к заключению, что «память о царстве Эрманариха в южных местностях России могла пережить его историческое существование – варяги могли слышать о нем предания и песни от крымских готов, с которыми они приходили в общение и в которых находили своих родичей» [12, с. 86], хотя предание это могло проникнуть на север и другими путями, и без посредства крымских готов. Сражение готов с гуннами, поэтически описанное в «Саге о Хервёре», академик помещал в долине Дона (*Dunheidr*), у «Яских гор» (*Jassarfjöll*), т.е. в стране яссов-аланов, живших на обширной Северокавказской равнине до Меотиды и Нижнего Дона на западе. «Если оно является победоносным для готов, наперекор истории, то это лишь характеризует народный источник, в котором исторический факт дошел до северного сказителя» [12, с. 86–90]. А. Н. Веселовский искал в русском былинном эпосе отражения готского фольклора, правда, не очень успешно. В. Н. Топоров поддержал это начинание русского фольклориста начала века, указав, что его предположение о вкладе (хотя бы скрытом) готских героических песен («склав») в формирование древнеславянской «предбылины» не кажется невероятным [32, с. 252–253]. А. Н. Веселовский отнес упоминание Иорданом «чуди» между Ладожским и Онежским озерами еще к воспоминанию о древней «висленской» поро в истории готов. По его мнению, оно было ошибочно перенесено к концу второй «причерноморской» поры готов, по-

этому не может приниматься во внимание при оценке масштабов государства Германариха [31, с. 22].

Русский археолог и историк-византист Ю. А. Кулаковский в «Истории Византии» целую главу посвятил готам. По его мнению, еще в конце II в. их предки двинулись к югу и, пройдя через болотистую местность (на его взгляд, это – бассейн Припяти) вышли на Днепр, а в первой половине III в. спустились к Черному морю, заняв южнорусские степи от Дона и до низовьев Дуная. Археологическим подтверждением исторической достоверности пути готов на юг ученый считал находку наконечника копья из Ковеля на Волыни с готской рунической надписью «*Tilarids*» [33, с. 215–227]. Ю. А. Кулаковский писал, что остроготы утвердили свое господство на широких пространствах южной России, а «славный их царь Эрманарих», оставшийся жить в германских народных сагах, покорил огромное число разных народов. Он успешно воевал с герулами в Приазовье, славянами, подчинил себе мордву и мерю [34, с. 149–157]. Ю. А. Кулаковский разделял мнение ряда исследователей о локализации готского «Днепровского города» на месте будущего Киева и помимо исландских саг в качестве дополнительного доказательства ссылался на находку монеты старшего современника Эрманариха – императора Констанция II [35, с. 31; 11, с. 20]. Однако в вопросе о судьбе этого короля, по-разному описанной Аммианом Марцеллином и Иорданом, Ю. А. Кулаковский более доверял сообщению Аммиана Марцеллина. Он допускал, что власть готов распространялась и на Боспорское царство. С этим событием он связывал прекращение боспорской династии Юлиев–Тибериев [36, с. 53]. Заметим, что спустя сто лет к этой идее вновь обратились отечественные историки и археологи.

Выдающийся русский антиковед М. И. Ростовцев специально не занимался готской проблематикой. Но он не мог ее полностью обойти в своих многочисленных штудиях по истории и археологии Северного Причерноморья. По собственному признанию ученый подошел к ней с общеисторической точки зрения. Он писал, что в III в. германцы докатились до Черного моря и сумели постепенно объединить в одно государство все германские племена в России. «Держава» Германариха расценивалась им в духе старой «готской теории» как прямая предшественница Киевской Руси [37; 38, с. 142–149]. М. И. Ростовцев допускал, что в ее состав одно время входили веныды. Как проникательный археолог он одним из первых заметил, что имен-

но готам Поднепровье было обязано большим хозяйственным оживлением, на что указывают многочисленные римские монеты II–IV вв. По его словам, готы здесь создали «исключительно коммерческое и военное государство» [39]. Он писал, что они даже строили города, во всяком случае, владели теми городами по Днепру, в которых позднее поселились славяне. Историк полагал, что сами готы были гораздо многочисленнее, чем это обычно принято думать [39, р. 210–222]. В то же время М. И. Ростовцев, прекрасно знавший крымские археологические материалы, предостерегал коллег против преувеличения роли готского элемента в культуре позднеантичного Боспора. Например, создателями полихромного стиля, за которым в европейской литературе закрепилось название «готского», он считал сарматов и алан [37, с. 138].

Кратко остановимся на точке зрения известного украинского историка начала XX в. М. С. Грушевского, автора многотомной истории Украины–Руси. По его мнению, сведения о северных народах почерпнуты Иорданом из готской традиции, существовавшей еще до эпохи Германариха, когда готы продвигались на юг, а затем мигрировали в верховья Днепра. Подданными же Германариха их сделала легенда. М. С. Грушевский вновь обратил внимание на то, что такой огромной державы, как ее описал Иордан, не знают другие источники, в том числе, Аммиан Марцеллин. Последний представляет реального воинственного короля приднепровских остроготских областей, а не легендарного Германариха. Украинский историк неоднократно писал об иллюзорности его великой монархии. Сведения Иордана и скандинавских саг о готской державе на Среднем Днепре со столицей в «Днепровском городе», на его взгляд, свидетельствуют лишь о том, что легенда о Германарихе была перенята Иорданом и сагами. Поэтому он считал готскую державу на Среднем Днепре ни на чем не основанной догадкой. После нападения гуннов часть остроготов осталась в причерноморских степях под властью гуннов, другая часть оставалась в Крыму вплоть до XVIII в., третья часть перешла на кавказский берег около Керченского пролива и стала известна под именем готов-тетракситов [40, с. 462]. Как видим, историческая оценка «державы» Эрманариха у М. С. Грушевского мало чем отличается от подходов к ней большинства российских историков, стоявших на патриотических позициях.

До начала XX в. в распоряжении историков готской государственности на Юге России были лишь нарративные источники. Однако на рубе-

же веков было совершено археологическое открытие, со временем придавшее ее изучению новое направление. В 1899 г. в с. Ромашки, а в 1900 г. в с. Черняхов Киевской губернии украинский археолог В. В. Хвойка произвел раскопки древних «погребальных полей» [41, с. 6–9]. В последнем из них был открыт большой грунтовый могильник (251 погребение), позже давший название новому типу памятников, теперь известных как «черняховская культура». Вскоре в 1903 г. в Трансильвании И. Ковач исследовал близкий Черняховскому могильник Марошсентанна (современное румынское название – Синтана де Муреш).

Первооткрыватель черняховских древностей, являвшийся убежденным сторонником автохтонности славян в Поднепровье, сразу же связал их с более ранними могильниками зарубинецкого типа. Он усматривал в них два последовательных этапа в развитии культуры «полей погребений» древних приднепровских славян [42]. При этом украинский археолог констатировал отсутствие на Киевщине древностей, которые свидетельствовали бы о существовании здесь «готской метрополии» [43, с. 43–49]. Он полагал, что готы при своем движении с берегов Вислы на юг – к Черному морю и Дунаю не воспользовались Днепровским водным путем, а прошли через Прикарпатье, по рекам Бугу и Днестру. Археолог допускал, что в Приднепровье они могли появиться позднее, и преимущественно в южных районах, не доходя до северной части Среднего Поднепровья [43].

С открытием черняховских, а позже и других синхронных им древностей в готской проблеме появился новый аспект. Эти памятники сразу привлекли внимание не только отечественных, но и зарубежных исследователей. Как уже указывалось во второй главе, в 1906 г. П. Райнеке обратил внимание на чужеродность их культуры для Среднего Поднепровья а также на сходство могильников Черняхов и Ромашки с некрополями римского времени Восточной Германии. Он предложил связать их с готами [44, S. 47]. Другие германские исследователи предпочли связать украинские «поля погребений» с гепидами, так как увидели сходство их инвентаря с «гепидской» культурой низовьев Вислы [45, с. 42–50; 46]. Публикации П. Райнеке, Э. Блюме, Г. Коссины и других германских ученых сразу придали дискуссии об этнической принадлежности могильников черняховского типа особый накал [47, с. 33–34]. С этого времени в ней помимо чисто научных соображений в большей или меньшей степени всегда присутствовал «славянский» или «германский» национальный фактор.

В дискуссию о черняховских древностях сразу включились известные русские археологи. Н. Ф. Беляшевский обратил внимание на провинциально-римский облик культуры этих памятников, хотя в вопросе об их этнической принадлежности он придерживался взглядов, близких В. В. Хвойке [48, с. 12–18]. А. А. Спицын в древностях черняховского типа увидел синтез местной культуры старого приднепровского населения и привнесенной западной. Исходя из размеров территории, ученый считал, что черняховская культура принадлежит не готам, которые имели свои основные интересы на Черном море и впадающих в него западных реках, а славянам [49, с. 385–387; 50, с. 85–86; 51, с. 53–72]. Выдающийся русский археолог В. А. Городцов отнес черняховские могильники к заключительной фазе развития европейских полей погребальных урн. Он полагал, что народ, оставивший эти могильники, продвинулся в Приднепровье из Прикарпаття и принадлежал к славяно-германской языковой семье. В то же время он прозорливо отметил, что если считать поля погребений черняховского типа древнейшими памятниками славян, то необходимо доказать археологическую преемственность между ними и более поздними славянскими древностями [52, с. 403–406; 53, с. 52–76].

Таким образом, в начале XX в. большинство российских археологов склонялись к мысли о славянской принадлежности черняховских памятников. Они не приняли серьезных аргументов П. Райнеке и других германских исследователей, которые обращали внимание на присутствие в культуре населения позднеимского времени Юга Восточной Европы вполне определенных германских черт.

Иначе дело обстояло с крымскими древностями. Исследователи уже в конце XIX в. обратили внимание на вещи так называемого «готского стиля», который приписывали тогда готам [54, с. 1–15]. В самом начале XX в. В. В. Шкорпил, раскапывая боспорские некрополи, нашел массу предметов, оформленных в этом стиле [55, с. 2–58]. По монетам он датировал их периодом III–IV вв. и высказал предположение, что вся отрасль ювелирного искусства, называемая «готским стилем», относится именно к этому времени [55, с. 2]. В отличие от черняховских могильников Поднепровья, многие русские историки и археологи признавали присутствие готского элемента в культуре позднеантичного Боспора. Как уже указывалось, против этой тенденции вполне определенно высказался лишь М. И. Ростовцев. Он никогда не отрицал присутствия готы в Крыму, но считал подлинными создате-

лями «готского» стиля сарматов и алан. Тогда же Н. И. Репников раскопал могильник Суук-Су близ Гурзуфа, а затем другие раннесредневековые некрополи Южного Крыма [56; 57, с. 101–148]. Они сразу были названы «готскими могилами», хотя никаких аргументов в пользу их именно готской принадлежности исследователь не привел. Благодаря работе французского археолога Ж. де Бая «готские могильники Крыма» стали хорошо известны и на Западе [58].

Итак, российские историки XIX – начала XX в., опираясь исключительно на нарративные источники и работы западноевропейских исследователей, сумели воссоздать в основных чертах образ «державы» Эрманариха как ключевой проблемы в истории Восточной Европы до возникновения Киевской Руси. У них не было сомнения в том, что:

1. Это было государство («королевство», «царство»).

2. Его создание связывали с деятельностью могущественного правителя Эрманариха (Германариха).

3. Это государство было полиэтничным, так как включало помимо остроготов другие восточноевропейские народы (венедов, эстиев, финноугров).

4. Большинство историков сошлись на мнении о возможности существования центра и даже столицы остроготской державы на Среднем Днепре (*Danparstadir*), но фактов, подтверждающих это предположение, было явно недостаточно.

5. Хотя в начале XX в. русским исследователям стали известны могильники черняховской культуры, в то время они еще фактически не привлекались в качестве источника по истории готов и «державы» Эрманариха, так как почти однозначно признавались славянскими.

6. В оценке исторической роли готов в последующих судьбах народов России мнения дореволюционных отечественных историков разделились. Некоторые из них рассматривали готов как своего рода норманнов эпохи переселения народов, а «державу» Эрманариха оценивали как предтечу Киевской Руси. Но большинство российских исследователей отводили готам в нашей истории более скромную роль.

Однако, несмотря на все эти недостатки и перегибы, работы дореволюционных отечественных исследователей заложили основы источниковой базы для изучения истории остроготского государства Эрманариха. Уже тогда в отечественной науке наметились два противоположных подхода в оценке роли готов в древней истории нашей страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ломоносов М. В. Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 г. / М. В. Ломоносов // Полн. собр. соч. – М.; Л., 1952. – Т. VI.

2. Карамзин Н. М. История государства Российского : в 3 кн. / Н. М. Карамзин. – СПб., 2003. – Кн. 1.

3. Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история / К. Н. Бестужев-Рюмин. СПб., 1872. Т. 1.

4. Соловьёв С. М. История России с древнейших времен : избранные главы / С. М. Соловьёв. – М., 2004.

5. Ключевский В. О. Русская история : полный курс лекций : в 3 кн. / В. О. Ключевский. – Ростов н/Д, 1998. – Кн. 1.

6. Надеждин Н. И. Опыт исторической географии русского мира / Н. И. Надеждин // Библиотека для чтения. – 1837. – Т. 22, кн. 3.

7. Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1 : Доисторическое время Руси / И. Е. Забелин. – М., 1908.

8. Куник А. А. Русский источник о походе 1043 года : дополнения к статье Б. Дорна «Каспий. О походах древних русских в Табаристан» / А. А. Куник // Записки ИАН. Приложение. – СПб., 1875. – Т. 26.

9. Шмурло Е. Ф. Восьмой Археологический съезд (январь 1890 г.) / Е. Ф. Шмурло // ЖМНП. – 1890. – Ч. 269. – Май.

10. Antiquités Russes d'après les monuments historiques des Islandais et des anciens Scandinaves. Ed. C. Rafn. – Copenhagen, 1850. – Vol. 1.

11. Дашкевич Н. П. Приднепровье и Киев по некоторым памятникам древнесеверной литературы / Н. П. Дашкевич // Известия Киевского университета. – Киев, 1886.

12. Веселовский А. Н. Мелкие заметки к былинам. VII. Готы и гунны и русская местность *Hervararsaga*'и / А. Н. Веселовский // ЖМНП. – 1888. – № 5.

13. Джаксон Т. Н. К методике анализа русских известий исландских королевских саг / Т. Н. Джаксон // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. – М., 1978.

14. Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе / Т. Н. Джаксон. – М., 1993.

15. Пыпин А. Н. Древний период русской литературы и образованности : сравнительно-исторические очерки / А. Н. Пыпин // Вестник Европы. – 1875. – № 11.

16. Браун Ф. А. Готы / Ф. А. Браун // Энциклопедический словарь Брокгауза–Ефрона. – СПб., 1893. – Т. 9.

17. Куник А. А. Открытое письмо к сухопутным морякам / А. А. Куник // Куник А. А.,

Розен В. Г. Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. – СПб., 1903. – Ч. 2.

18. Будилович А. С. К вопросу о происхождении слова Русь / А. С. Будилович // Труды VIII Археологического съезда в Москве. 1890 г. – М., 1897. – Т. IV.

19. Успенский Ф. И. Вопрос о готах / Ф. И. Успенский // Труды IX археологического съезда в Вильно. 1893. – М., 1897. – Т. II.

20. Успенский Ф. И. История Византийской империи / Ф. И. Успенский. – М., 2001. – Т. 1.

21. Васильевский В. Г. Введение в Житие св. Стефана Сурожского / В. Г. Васильевский. – Пг., 1915. – Т. III.

22. Васильевский В. Г. Русско-византийские отрывки / В. Г. Васильевский // Труды. – СПб., 1912. – Т. II, вып. 2.

23. Браун Ф. А. Гипотеза профессора Будиловича о готском происхождении названия «Русь» / Ф. А. Браун // ЗНО. – СПб., 1892. – Вып. II, № 1.

24. Браун Ф. А. Разыскания в области готославянских отношений. Т. 1 : Готы и их соседи до V в. / Ф. А. Браун. – СПб., 1899.

25. Vigfusson G. IV Essay: Place of the Hamtheow lay / G. Vigfusson // F. Y. Powell. Grimm Centenary. Sigfred-Arminius and other papers. – Oxford ; London, 1886.

26. Шаровольский И. Древнескандинавское сказание о битве готов с гуннами и его историческая основа / И. Шаровольский // Известия Киевского университета. – 1904. – № 7.

27. Иловайский Д. Разыскания о начале Руси : вместо введения в русскую историю / Д. Иловайский. – М., 1876.

28. Толстой И. И. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 3 : Древности времен переселения народов / И. И. Толстой, Н. П. Кондаков. – СПб., 1890.

29. Погодин А. Л. Из истории славянских передвижений / А. Л. Погодин. – СПб., 1901.

30. Веселовский А. Н. Киев – град Днепра / А. Н. Веселовский // Записки РГОФО. – 1888. – Вып. 1.

31. Веселовский А. Н. Из истории древних германских и славянских передвижений / А. Н. Веселовский. – СПб., 1900.

32. Топоров В. Н. Древние германцы в Причерноморье : результаты и перспективы / В. Н. Топоров // Балто-славянские исследования. – М., 1983.

33. Шумовский А. Острие с рунической надписью, найденное в Сушично / А. Шумовский // Вестник археологии и истории. – СПб., 1888. – Вып. VII.

34. Кулаковский Ю. А. История Византии / Ю. А. Кулаковский. Т. 1 : 395–518 гг. – СПб., 2003.

35. Кулаковский Ю. А. Карта Европейской Сарматии по Птолемею / Ю. А. Кулаковский. – Киев, 1899.

36. Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды / Ю. А. Кулаковский. – Киев, 1914.

37. Ростовцев М. И. Эллинство и иранство на юге России / М. И. Ростовцев. – Пг., 1918.

38. Ростовцев М. И. Происхождение Киевской Руси / М. И. Ростовцев // Современные записки. – 1921. – Вып. III.

39. Rostovtzeff M. Iranians and Greeks in South Russia / M. Rostovtzeff. – Oxford, 1922.

40. Грушевский М. С. Киевская Русь / М. С. Грушевский. – СПб., 1911. – Т. 1.

41. Абашина Н. Раскопки В. В. Хвойки в Ромашках / Н. Абашина // 100 лет черняховской культуре. – Киев, 1999.

42. Хвойка В. В. Поля погребений в Среднем Приднепровье / В. В. Хвойка // ЗПАО. – СПб., 1901. – Т. 12, вып. 1/2.

43. Хвойка В. В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена / В. В. Хвойка. – Киев, 1913.

44. Reinecke P. Aus der russischen archäologischen Literatur / P. Reinecke // Mainzer Zeitschrift. – 1906. – Jg. 1.

45. Blüme E. Die germanische Stämme und die Kulturen zwischen Oder und Passarge zur römischer Kaiserzeit / E. Blüme // Mannus-Bibliothek. – Leipzig, 1912. – Bd 8.

46. Kossina G. Das Weichselland, ein uralter Heimatboden der Germanen / G. Kossina. – Danzig, 1919.

47. Баран В. Д. Черняховская культура и готская проблема / В. Д. Баран, В. Л. Гороховский, Б. В. Магомедов // Славяне и Русь (в зарубежной историографии). – Киев, 1990.

48. Беляшевский Н. Ф. Ближайшие задачи археологии Юга России / Н. Ф. Беляшевский // Археологическая летопись Южной России. – 1903. – № 1.

49. Спицын А. А. К вопросу о происхождении так называемых готских фибул / А. А. Спицын // ЗПАО. Новая серия. – 1899. – Т. XI, 1–2.

50. Спицын А. А. Памятники латенской культуры в России / А. А. Спицын // ИАК. – 1904. – Вып. 12.

51. Спицын А. А. Поля погребальных урн / А. А. Спицын // СА. – 1948. – Т. X.

52. Городцов В. А. Бытовая археология / В. А. Городцов. – М., 1910.

53. Городцов В. А. Археология. Т. 1. Каменный период / В. А. Городцов. – М.; Пг., 1925.

54. Штерн Э. Р. К вопросу о происхождении готского стиля предметов ювелирного искусства / Э. Р. Штерн // ЗООИД. – Одесса, 1897. – Т. 20.

55. Шкорпил В. В. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 году / В. В. Шкорпил // ИАК. – СПб., 1907. – Вып. 25.

56. Репников Н. И. Некоторые могильники области крымских готов. Ч. 1 / Н. И. Репников // ИАК. – 1906. – Вып. 19.

57. Репников Н. И. Некоторые могильники крымских готов. Ч. 2 / Н. И. Репников // ЗООИД. – 1907. – Т. 27.

58. Bayé J. de. Les tombeaux des Goths en Crimée / J. de. Bayé // Mémoires de la Société nationale des Antiquaires de France. – Paris, 1908. – № 67.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения

ЗНО – Записки Неофилологического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете

ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей

ЗПАО – Записки Петербургского археологического общества

ИАК – Императорская Археологическая комиссия

ИАН – Императорская Академия наук

РГОФО – Романо-германское отделение филологического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете

СА – Советская археология

Воронежский государственный университет

Зиньковская И. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов

E-mail: medieval@hist.vsu.ru

Тел.: 8(4732) 24-75-14

Voronezh State University

Zinkovskaya I. V., Candidate of the Historical Science, Associate Professor of the Middle Ages and Foreign Slavic Nations Department

E-mail: medieval@hist.vsu.ru

Tel.: 8(4732) 24-75-14